
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА

ОН ЛИХО НОСИЛ КОРОНУ КОРОЛЯ ПОЭТОВ

(Литературный фон творчества Игоря Северянина)

*Я — русский сам, и что я знаю?
Я падаю. Я в небо рвусь.
Я сам себя не понимаю,
А сам я — вылитая Русь!*

Игорь Северянин «Бывают дни...»;
ночь под 1930 год

◆ Советская средняя школа являла собой уникальную комплексную систему образования и воспитания. В последней ипостаси прежде всего морально-нравственного, а уж потом шли заповеди «Морального кодекса строителя коммунизма», в чем не было ничего плохого — даже нынешние СМИ, в чем угодно ищущие соринку «совка», даже (это не юмор!) в постановке «Аиды» на советской оперной сцене, в этой части помалкивают по двум веским причинам: во-первых, общепризнанно, что «Моральный кодекс» суть другими словами, в современной терминологии, изложенные Христовы заповеди блаженств Нового Завета, а сейчас наши власти крепко задружились с православной церковью; во-вторых, уже во всемирном масштабе затверждено, что советская школа на то время стояла на порядок выше Запада — Востока (это по Гёте: «Западно — Восточный диван»...); даже американский президент <имя рек> это на заседании Конгресса признавал; а как им, нашим родимым СМИ, даже сейчас, во время противостояния России со всем западным миром, послушаться *Самого* дяди Сэма и всея возлюбленной ими «цитадели демократии»? А вообще-то говоря, советскую школу довел до мыслимого совершенства Иосиф Виссарионович, объединив в ней старые классическую гимназию и реальное училище.

...Ну-у, преамбула это, что называется, к слову. А слово-то, кстати, библейски бывшее *вначале*, в том, что литературу в советской школе преподавали блестяще и емко, давая полезный для образования и воспитания уклон в классику: русскую, советскую и зарубежную — прежде всего европейскую. В отечественной литературе поэзия занимала достойное ей место. До сих пор в памяти «записан» почти весь «Евгений Онегин» — и даже от уроков немецкого языка «Лорелея» Гейне, понятно дело, на языке первоисточника...

Но вот с чем нам не повезло, так это с русскими поэтами Серебряного века! Все они *in summa* были печально знаменитой «комиссией Луначарского — Крупской» занесены в проскрипционные списки, изъяты из школьных программ и библиотек. Даже в крупных, ранга областных, их книги были переведены в книгохранилища, а «библиотечные карточки» на эти издания изъяты из общедоступных каталогов: алфавитных и тематических... И только с конца 50-х — начала 60-х годов, когда о списках наркома просвещения и жены и друга Ильича подзабыли, «серебряновековцев» стали скромно издавать, но преимущественно в составе знаменитой «Библиотеки поэта»

(большая и малая серии). И даже здесь для них полагалась самая нижняя «тиражная планка», то есть 10...15 тысяч экземпляров. Это сегодня такой тираж полагается умопомрачительным, но для сплошь читающей Советской страны — капли в море. Главное, купить их в магазине было невозможно: книжные коллекционеры и профи-перекупщики к прилавкам не подпускали, а в библиотеках мигом образовались годичные записи-очереди. Понятно дело, что архиепатажный Игорь Северянин был недосыгаем... в смысле возможности чтения его стихов. А «в голосе» его слышать стало возможным, когда фирма «Мелодия» выпустила первые грампластинки вернувшегося в СССР Вертинского: его поэзо-романсы на стихи Северянина: «Это было у моря, где лазурная пена...»

В определенном смысле мне повезло по части стихов нашего выдающегося «эго-и просто футуриста», носившего титул «короля поэтов» и прекрасного классика русской поэзии — после 1918-го года, когда он, его же словами говоря, повернулся к онегинской стопе. Начало знакомства с поэзией «серебряновековцев», Северянина в том числе, дала наша учительница литературы (таких сейчас нет!), имевшая в свои неполные сорок лет редкостное тогда звание Заслуженного учителя РСФСР, создательница замечательного школьного* драмтеатра, которая читала — наизусть — на уроках стихи Анненского, Бальмонта и, конечно, Северянина, даже не оговариваясь насчет «эго» и пр. «Вырастите, сами все оцените», — напутствовала она нас.

Второе знакомство, уже при чтении книг Северянина, произошло, когда в последние два года учебы в школе я по вечерам работал электриком в Доме офицеров флота (ДОФ) Полярного — «зарабатывал» двухгодичный трудовой стаж, дававший серьезные льготы при поступлении в вузы; не потому, что плохо учился, скорее наоборот, но на годе нашего выпуска завершался первый эксперимент (сейчас начался второй, но уже по «американскому» образцу...), хрущевский, с 11-летним обучением. И в этот год мы, одиннадцатиклассники, и большие числом десятиклассники одновременно сдавали экзамены (ЕГЭ тогда даже постояльцам Кащенко после укола «серой» не снились) на аттестат зрелости. Соответственно, и конкурсы в вузы ожидалась двойными. Было о чем позаботиться «на всякий случай».

Гарнизонная, до 1960-го года флотская, библиотека Полярнинского ДЭКАФ^{а**}, как по старой памяти — Дом командиров флота — называли в городе тогдашний ДОФ, располагала солидным фондом как современных, так и староизданных книг — см. год основания Полярного, ранее — Александровска в честь императора Александра III. Мне, как незаменимому (адмиралов и каперангов в стенах ДЭКАФ^а много наблюдалось, но электрик в смену — один) сотруднику в/ч <такой-то>, ибо Дом офицеров по табели о рангах числился войсковой частью, вход в библиотеку являлся «беспешинным». Так впервые в жизни довелось читать стихи Северянина по прижизненным изданием его поэз в выцветших от времени тоненьких брошюрах... «Она вошла в моторный лимузин, эскизя страсть в корректном кавалере...» — Все тогда прочитанное накрепко осело в памяти. Да его эпатажные, ранние стихи не запомнить невозможно.

...Третье «явление» Северянина пришло после переезда из арктического Заполярья в кондово-русскую Тулу. Во-первых, тамошняя «Буккнига» тех лет давала воз-

* Полярная средняя школа № 1 им. М. А. Погодина — уникальное явление для «владений» Краснознаменного Северного флота СССР, созданная в начале 1930-х годов, когда собственно и образовался Северный флот с главной базой в Полярном (основан в 1899 г.). Мы, ученики, не голословно называли ее «гимназией». Первый послевоенный директор школы Букин — автор слов гимна Северного флота «Прощайте, скалистые горы...»

** См. книгу: Алексей Яшин. Дэкаф: Северные повести (шестая книга рассказов Николая Андреевича) / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2013.— 299 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

возможность даже на студенческую стипендию и далее на зарплату молодого специалиста приобретать «за рупь — пятьдесят» до- и послереволюционные поэтические сборники с неизменным участием Северянина; во-вторых, вошедши в тульский «интеллигентский клуб», получил записки упомянутых выше «библиографических карточек», по которым получил возможность в читальном зале областной библиотеки читать книги Северянина из книгохранилища. Кстати, не я один: в этом самом зале разные люди — от студентов и преподавателей вузов до рабочих парней «от станка» и работниц швейной фабрики переписывали его стихи в толстенькие тетрадки... Было же время увлеченно читающей страны!

Уже совершенно неудивительно, когда сочинял свой первый роман «В канцелярии», вышедший на исходе нашей славной советской страны в Приокском книжном издательстве*, вспомнил о Северянине вот по какому случаю. Один из персонажей романа — учрежденческий поэт — по сюжету должен был разнообразить действие чтением своих «доморощенных» стихов. Сам я, то есть автор романа, стихов никогда не писал и — доселе — не помышляю об этом, поскольку хорошо еще в юношеские годы накрепко запомнил слова своего отца, моряка-североморца и стихийного философа, участника войны в Арктике, явно где-то им прочитанные: поэтами не становятся, ими — рождаются. Как же быть с самостоятельным учрежденческим поэтом? А-а, не боги горшки обжигают — и «выдал» на страницы книги несколько стихотворений «за того парня». Конечно, стихами они считаться не могут — это обрамленная в <приблизительную> рифму проза. Опять же не обошел Северянина, написав сонет.

*Кумир мой добрый — Игорь Северянин.
Его поэзы в памяти лежат.
Они скандалят, дразнят и... грустят.
Он — музы господин и полонянин.*

*Искусство покорило шестью томами
Напетых небом, улицей поэт,
Из благ земных не сделал он протез,—
Бродя в стране поэзии ночами.*

*Здоровый русский дух в век катаклизмов
Под лозунгом эго- и футуристов
Он выплеснул, иронии дитя!*

*Неужной стала маска Шантеклера.
«Стареющий поэт» с особым флером
Он написал, совсем уж не шутя.*

...Поскольку в рукописи того романа я, что называется, разохотился сочинять стихи «за того парня», даже веночек сонетов «Вечноуходящему» вставил, то добрый мой редактор издательства <за седьмой рюмкой> порекомендовал ограничиться этим «венком» и еще парой сонетов: «Остальные не пропадут — в другой роман вставишь!» И, действительно, они по сюжету и тональности вписались в другой роман**, где главная героиня книги Лера читает прижизненное издание книги Северянина с

* Второе издание под названием «Видение на Патмосе» см. на сайте www.pz.tula.ru.

** Яшин А. А. Любовь новоюрского периода: Философский роман в 3-х частях с эпилогом / Предисл. Л. В. Ханбекова.— М.: «Московский Парнас», 2009.— 712 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»). См. также на сайте www.pz.tula.ru.

автографом, данным ее бабуле «Юной Виктории: победи жизнь!», что в тринадцать лет мимоходом, но разговаривала с королем поэтов на его выступлении в Политехническом музее. Рекомендую еще восьмикласснице Лере почаще перечитывать поэзы Северянина — Лотарева, как была подписана та книжка, бабушка, правда, оговаривалась: «Читай не вразброд, листая, а последовательно по годам. Тогда проследишь весь путь становления из великолепного стихотворного хулигана выдающегося русского поэта». И, чуть помедлив, добавляла: «К сожалению, не ставшего поэтом советским. А жаль».

К чему, собственно говоря, этот предшествующий «личный» монолог? — А к тому, что, во-первых, историческое время довольно сжато, не грех поделиться с читателем; во-вторых, мы ненавязчиво, опосредованно уже очертили особенности восприятия самобытной, очень своеобразной поэтической музыки Северянина как его современниками, так и людьми сегодняшними, что шагнули в зрелом творческом возрасте от реалий советского времени к нынешнему нашему бытию... будь не к ночи оно помянуто. Но — ближе к теме!

♦ Выдающийся советский ученый-историк, фактический создатель науки этногенеза, наконец, сын двух таких значимых поэтов Серебряного века, как Николай Гумилев и Анна Ахматова, а потому и сам (генетически) не лишенный поэтического дара, Лев Николаевич Гумилев писал (1942 г.):

*Вверху луна бежит неудержимо,
Внизу бежит подземная вода.
Уходят вдаль года, года проходят мимо,
И часто мнится — навсегда.*

Также большую часть XX века мнилось, что Серебряный век навсегда остался где-то в давних прошлых годах. Нет, конечно, никогда не забывались поэты того времени, что создали новую славу русской поэзии на рубеже веков и чуть далее — в годы десятые и двадцатые. Но про сам феномен Серебряного века, как великого явления Новейшей русской культуры, стыдливо умалчивали во всяком официозе, порой даже и литературном.

Льва Гумилева вспомнили вовсе не «к слову»: в его концепции этногенеза ключевая роль отводится *пассионарности*; по-русски, значит, — пламенности, в смысле внезапного распространения, взрыва активности действия... как пламенеют душой. Опять же из советской школы помним бессменного руководителя испанской компартии 30—60-х гг. (в московском изгнании) Долорес Ибаррури с прибавкой к имени — Пассионария.

Пассионарные взрывы (активности, расцвета, достижения тех или иных вершин отдельного человека или этноса) пронизывают всю дальнюю и нынешнюю историю: от великого переселения народов в Евразии первого тысячелетия н.э. и натиска монголо-татарской орды на Европу и Среднюю Азию до нынешней глобализации империализма, сомнительную честь присутствия в каковом процессе мы имеем место быть...

Пассионарность сродни электрическому разряду в физических явлениях: сначала достаточно долгий процесс зарядки, например, статического электричества в грозových облаках, затем мгновенный разряд («... Громокипящий кубок с неба, смеясь, на землю пролила», — как это поэтично определил наш классик), а потом — долгое затишье, что Лев Гумилев назвал периодом стагнации, увядание пассионарности.

Дробясь во временных процессах социальной эволюции человечества, пассионарность охватывает этнос, то есть народ, нацию, государство, во всех субъектах его

жизнедеятельности: от войн и революционных потрясений до морально-этических мотиваций, культуры, изящных искусств и литературы, что и есть предмет нашего внимания. Но как раз последние, в том числе литература, в названном временном дроблении либо отстают, либо опережают пик собственно социумной пассионарности: опять же войны, революции, «*Drang nach Osten*» (это у тевтонов) и «*Drang nach Westen*» (у Чингизхана)... «*Drang nach Rußland*» — это сейчас у НАТО и «лично Пентагона». Такое отставание-опережение, как реакция рефлектирующей образно-художественной (суммирующей) мысли социума на это самое пассионарное движение орд, армий, геополитических сдвигов, знамен всех расцветок и лозунгов — от алых знамен исламских халифатов с VII века до красных знамен XX века и так далее — также диалектически социально обусловлено. Опять же продолжим пример для каждого человека «понятный на себе»: гроза — это резкая смена атмосферного давления, на что даже сверхнакаченные анаболиками и прочими допингами современные \$, € и ¥ — «спортсмены-профи» реагируют. Даже матерые чиновники, в сорокоградусную жару шеголяющие в «дресс-кодовых» пиджачных тройках, и те порой смахнут со лба росинку пота... Но вот рядовой человек, коего в советские времена именовали «наш непростой советский человек», а нынешние СМИ, как плевком сквозь гнилые зубы, обозначают «обывателем», ощущает эту перемену в атмосфере повышением или снижением «*SIS/DIA/PULSE*» либо до грозы, либо во время «громокипящего кубка», а может и опосля...

Резюме: в пассионарном движении любого этноса литературная пассионарность обычно не совпадает по времени с периодом «взрыва знамен» и прочих «*liberte, egalite, fraterne*»...

В европейской истории знаем мощную пассионарность всего искусства и литературы эпохи Возрождения: она надолго растянулась по времени, но ее обусловила неизбежно грядущая смена общественно-экономических формаций (по диалектике Гегеля с последующими Марксом — Энгельсом): от почти тысячелетнего западноевропейского феодализма Средних веков Европа готовилась к прыжку в капитализм. Здесь итальянская, а вскоре и испанская, затем английская и германская литературы, предчувствуя этот скачок-прыжок, опередили его в духовной мысли, дав человечеству величайший «набор» своих гениев и провидцев.

В первой половине XIX века, уже века торжествующего на Западе капитализма, в унисон ему расцвела классическая литература Англии и Германии; чуть позже тот же пассионарный взрыв этой музыки видим по ту сторону океана.

...А вот кратковременный феномен конца XIX — начала XX вв. скандинавской литературы, прежде всего в малочисленной по населению, кормящейся только лавлей селедки (тогда нефтяных платформ в Норвежском море не было), Норвегии, давшей миру Бьёрнстерне Бьёрнсона и «нобелиста» Кнута Гамсуна*, сложно объяснить: тысяча с лишком лет прошло с тем пор, когда пассионарные скандинавские викинги, объевшись сушеным мухомором**, грабили всю Европу, основывая свои государства на Сицилии и в других местах Европы. И прошедшие тысячу лет норвежцы тихо и мирно ловили селедку, поставляли в Европу тресковую ворвань*** и имели добрых, невоинственных королей, к именам которых приписывались все новые и новые римские цифры...

* На самое начало XX века в Норвегии на 300 жителей приходился один писатель — не «самопальный», как у нас сейчас, но оставивший свой определенный след в литературе...

** Как в Великую Отечественную войну советским бойцам давали «сто граммов» перед атакой, а немецким солдатам таблетку первертина — психотропного средства, подавляющего страх, так и «безумно храбрые» викинги перед сражением жевали сушеный мухомор — «колеса» по-нынешнему.

*** Ворвань — вяленая на солнце треска, посыпанная крупной солью (сам такую на Севере делал!). — Хранится почти год, не теряя витаминов и вкусовых качеств. Ошибочно ворвань иногда называют промысловый жир морских животных.

А великолепная латиноамериканская литература XX века с ее знаменными именами Пабло Неруды, Борхеса и Габриэля Гарсиа Маркеса с нобелевским романом «Сто лет одиночества»? — Куда ее по части пассионарности отнести? — Правильно, к ожесточению борьбы со «старшим братом», который, уже не довольствуясь Панамским каналом, «банановыми республиками» и отторгнутыми у Мексики нефтеносными штатами (официальное название этой страны: Мексиканские Соединенные штаты...), пожелали иметь чилийскую селитру и медь, аргентинское серебро и мясо, венесуэльскую нефть, кубинские сигары и проститутку и так далее.

...Сложнее в (формальных) определениях с литературой русской. Она расцвела только в XIX веке, когда пассионарный наш натиск по части территорий и военных успехов уже «вчерне» был завершен: империя раскинулась от Варшавы и Гельсингфорса (нынешних Хельсинки) до Аляски и Северной Калифорнии в Новом Свете, считанные годы оставались до покорения Кавказа Ермоловым — вспомним Лермонтова:

*...И, испытанный трудами
Бури боевой,
Их ведет, грозя очами,
Генерал седой.
Идут все полки могучи,
Шумны, как поток,
Страшно медленны, как тучи,
Прямо на восток...*

А «на подходе» был уже Михаил Дмитриевич Скобелев, присоединившийся к России всю Среднюю Азию... заодно и сведший владения Оттоманской империи в Европе до одного города Константинополя — Стамбула. И тот был готов «взять наутро», если бы не фронда Европы, пригрозившей Александру Второму-Освободителю (двойному!) «новым Крымом»... Господи, сколько же «крымов» еще впредь России уготовано?

Таким образом, Золотой век великой русской литературы, то есть почти весь XIX век, был, с одной стороны, запоздалым в части предыдущей этно-государственной пассионарности, а с другой — предшествующим явлению миру новой России — скоропрошедшей капиталистической, а затем социалистической. Писатели, особенно (настоящие) поэты, как и женщины, предчувствующие в короткий, восхитительный момент зачатия кого и в каком качестве они подарят миру, все знают и чувствуют наперед.

Соответственно, расцвет русской поэзии суть прерогатива XIX—XX веков. Сначала — Золотой век: от Пушкина и Лермонтова до Тютчева и Фета, а ему на смену и явился Серебряный век. Символичны и сами устоявшиеся наименования этих «великих творческих эпох» (берем в кавычках, ибо это название цикла книг Ромена Роллана): золото — металл, сочетающий в себе основательность великолепия, но по своим физико-химическим свойствам — пластичный, а пластика есть основа изящных искусств; серебро, напротив, при всем своем «лунном» завораживающем цвете и благородной изысканности есть металл звончатый.

Нет, конечно, далеко не все «серебровековцы» поражали и восхищали своих читателей, а особенно — слушателей в Политехническом музее и других залах ристалищ звонкоголосой музыки «столиц и университетских центров» — своей эпатажностью и «ананасами в шампанском»! Даже наоборот. Самый выдающийся поэт Серебряного века, надеюсь, что здесь я не одинок во мнении, Иван Бунин — классический,

академический поэт, своей русскостью образов и троп лирической поэзии ничем не уступающий великим поэтам Золотого века. Тоже академист, но уже поэт-стилист Валерий Брюсов и также выдающийся стилист Николай Гумилев... а стилизатор Михаил Кузмин, а акмеисты со своим главой — Анной Ахматовой? И директор Царко-сельского лицея Иннокентий Анненский со своими «тремя голубями Царского села» (в их числе и Ахматова с Гумилевым)? — Ведь все они бесконечно далеки от «ананасов»... хотя бы Гумилев-путешественник написал «Озеро Чад».

Но были и поэты-эпатажники: Давид Бурлюк и «ничевоки», имажинисты Александр Кусиков и Вадим Шершеневич* с его «Песней Песней»:

*Соломону — первому имажинисту,
Одевшему любовь Песней Песней пестро
От меня, на паровозе дней машиниста,
Верстовые столбы этих строк.*

.....
*Как гоночный грузовиков между,
Мой любовник мужчин среди.
Мной и полночью восславленный трижды,
Он упрямым любовью сердит.*

(И так далее, 19 июля 1919 г.)

Но ведь символистом себя называл Александр Блок, а имажинистом Сергей Есенин!

...В том-то все и дело, что эпатажный слой поэзии Серебряного века относится к междуреволюционному (1905—1917) и послереволюционному (1917—1925) периодам. Поэтому последний порой выделяют в литературоведении в сугубо отдельные периоды, называемые «ранним послереволюционным» или «ранним советским». Своеобразие этого слоя поэзии Серебряного века обусловлено как судьбоносными для России и всего мира событиями, так во многом и смещением акцентов в русской поэзии, впрочем, начавшимся еще в ранние 1900-е годы, а именно: заканчивался *собственно* величественный, освежающий, но и несколько ностальгический (особенно — Иван Бунин) Серебряный век поэтического творчества с его обилием имен, что называется, первого ряда.

♦ Вот в такой период окончания «классики» Серебряного века и вошел в русскую поэзию Игорь Северянин, когда революционные потрясения 1905-го года вызвали смятение в творческой среде, а в поэзии расцвели эпатажность и эклектизм, правда, скорее в позитивном значении этих слов. Появились поэты под знаменами самых экзотических «измов» (см. выше). Но ведь это было не скопище многочисленных «дадаистов», имена которых давно забыты! Это *Имена* с большой буквы, а не те, про которых зло сказал Маяковский «Кудреватые митрейки». Справедливости ради: столь обиженный пролетарским трибуном-«главарем» Леонид Кудреватых стал добротным русским и советским поэтом, писал хорошие стихи, дожил чуть ли не до 90-х годов, написал замечательные мемуары — воспоминания о том интересном времени, где с большим уважением говорит о своем обидчике... Вот так-то!

...И не один Кудреватых отказался от модных «измов», перегорел ими и стал просто хорошим поэтом в силу данных природой (напомним: поэтами рождаются, а не становятся!) способностей. Очень скоро отказались от постулатов символизма

* Их совместная книга под названием «Коробейники счастья» была опубликована полностью в № 4, 2007 «Приокских зорь» в рубрике «Литературная учеба».

Блок и Брюсов, а какие-то и имажинисты и акмеисты выдающиеся русские поэты Есенин и Ахматова? И Игорь Северянин сразу после окончания революционных бурь, оказавшись в «лимитрофной» Эстонии, отказался от своего футуризма — да еще с приставкой «эго»! — Это как нынешние торгово-спекулятивные «маркеты» с приставками от математики: «супер», «мега», «гипер»...

Кстати, с футуризмом в русской поэзии описываемого ее периода несколько сложнее: это была чистая переимчивость «с европейского»; известно, что русский человек часто прельщается «славными бубнами за горами», порой доходя до «смеси французского с нижегородским»... Так и футуризм нанесло на Россию со стороны Италии от родоначальников этого стиля поэтов Маринетти и Д'Аннуцио; помните у Маяковского: «Фиуме спьяну взял Д'Аннуцио» (в Первую мировую войну последний командовал ротой и отбил у австрийков этот славный итальянский город...).

Кстати, мэтр футуризма в русской поэзии Владимир Владимирович («*Мы — иллюминаторы новых городов*») оказался единственным, кто последовательно отстаивал свое право отказа от силлабо-тонического стиха и перехода в доминирующую ритмику, где рифма суть логически-смысловый вывод из стихотворной строки. Что ж, имел право, потому и стал Владимиром Маяковским... Резюме: если бог даровал поэтический талант, то он и проявится, а всякая групповщина «измов» — это всего лишь детская болезнь, помноженная на специфику эпохи.

В целом в данном отношении и ранний послереволюционный период советской уже поэзии нес в себе черты символизма, модернизма, даже декаданса 1900—1910-х годов. Также шумел в зале Политехнического Давид Бурлюк, демонстрировал приверженность символизму Андрей Белый... и Саша Черный, так рано покинувший этот мир, торил свою тропу. Оставались и истовые акмеисты и имажинисты. Многих из них каноническое литературоведение относит к поэтам «второго ряда». А вот о «постэгофутуристическом» Игоре Северянине, перешедшем в 20—30-е годы к классической русской стихотворной форме, как-то все забыто... *Таким был литературный фон, в ареале которого вступил в поэзию и творил Игорь Северянин.*

Игорь Васильевич Лотарев (1887—1941), известный всем как Игорь Северянин, что неверно, ибо его настоящий псевдоним есть *Игорь-Северянин*, где «Северянин» вовсе не псевдоним-фамилия, а (географическое) определение к имени «Игорь», появился на свет в Петербурге. Отец его служил военным инженером, штабс-капитаном 1-го железнодорожного батальона, по-нынешнему говоря, служил в железнодорожных войсках. По всей видимости, такой разъездной по всей стране род занятий отца и стал причиной развода родителей в девятилетнем возрасте будущего поэта — и даже коронованного «королем поэтов». Столь же явно поэтические гены он унаследовал по линии матери — из дворянского рода Шеншиных, то есть Игорь Северянин находился в не столь уж далеком родстве с Афанасием Афанасьевичем Фетом (Шеншиным). Сначала он живет с отцом в Череповце, где и окончил четыре класса реального училища. К этому времени Василия Петровича Лотарева переводят по службе в Манчжурию, куда дотянулась до русских военно-морских баз на Дальнем Востоке Порт-Артура и Дальнего (Даляня) железнодорожная ветка Транссиба. Вслед за отцом семнадцатилетний Игорь Лотарев, еще не Северянин, также едет в 1904 году в Манчжурию, откуда возвращается в Петербург в самый канун Русско-японской войны, где с этого времени (отец умер в тот же год) живет с матерью в Гатчине, общаясь со столичной художественной элитой, с которой водила дружбу его мать — по своему дворянскому происхождению и памяти родства с А. А. Фетом.

Первые опубликованные стихотворения Игоря Лотарева (под «не прижившимися» к нему псевдонимами...) относятся все к тому же 1904-у году и тематически посвящены событиям Русско-японской войны: «Гибель «Рюрика», «К предстоящему

выходу Порт-Артурской эскадры» и пр. Крестными отцом и матерью в мир большой поэзии Игорь — уже — Северянин называл известного поэта старшего поколения Константина Фофанова и Мирру Лохвицкую: в этих именах объединились классика и модернизм Серебряного века.

...Не помню названия той тоненькой книжки прижизненного издания поэт Северянина, что читал в юные годы, обнаружив ее на полках библиотеки ДОФ'а Полярного, но всего их числом в три с половиной десятка, за свой счет и тиражом в сто экземпляров (это как у современных... ну-у, назовем их по традиции поэтами) издал Северянин, начиная от времени благословения его в страну поэзии Константином Фофановым. Но подлинная, отчасти скандальная, слава пришла к нему с начала 1910-х годов, когда Северянин с сыном Константином Фофановым и тоже «шумевшим» тогда поэтом Грааль-Арельским (понятно, псевдоним) декларировал новое литературное направление *эгофутуризма*. Лев Толстой, как сообщает современная русская «Википедия», так отозвался на «Хабанеру II» (это где «Вонзите штопор в упругость пробки,— И взоры женщин не будут робки!...»): «Чем занимаются, чем занимаются... И это — литература? Вокруг — виселицы, полчища безработных, убийства, невероятное пьянство, а у них — упругость пробки...» Но молодая Россия в межреволюционный период рукоплескала новой звезде на поэтическом небосклоне. А уж и классик Серебряного века Федор Сологуб (помните его «Нюрнбергского палача», а из прозы «Мелкого беса»?) взял Северянина под «свое крыло», написав восторженное предисловие к его первой большой поэтической книге «Громокипящий кубок» (1913).

Начинаются совместные выступления и турне, говоря современным языком, Маяковского и Северянина по всей Европейской России. А в начале 1918-го года в Большом зале Политехнического музея из вышедших в финал Северянина и Маяковского первый был выбран королем поэтов, а Владимир Владимирович всего лишь вице-королем; разгневанный поражением, Маяковский не принял «вице-венюк»... Даже Константин Бальмонт поопасался соперничать с Северяниным и не приехал на поэтическое состязание.

Но времена изменились, с этого же года Северянин оказался в Эстонии и до своей кончины в 1941-м году в России уже не бывал. В первые годы жизни вне России Северянин гастролирует по всей Европе, включая Париж, пишет все новые и новые стихи, к окончанию жизни становясь классическим русским поэтом — без эго- и просто футуристов.

♦ С «Громокипящим кубком», имевшим семь изданий за два года, завершилась «самиздатовская» (см. выше) пора поэтического становления Северянина. Пришла всероссийская слава. И классики позднего Серебряного века, хотя и с оговорками («салонный эротизм», «чуждый жизни эстетизм», «приторное жеманство»...) в общем-то единодушно отмечали рождение новой поэтической звезды: уже упомянутый выше Федор Сологуб с его восторженным предисловием к «Кубку»; и Брюсов то хвалил молодого поэта, то окидывал его «холодным взглядом»; Александр Блок, достаточно сдержанный в оценках поэтов молодой поросли на закате (классического) Серебряного века, после появления «Кубка» отозвался о Северянине в том смысле, что автор поэт временами ему очень даже нравится, и вообще — «это настоящий, свежий, *детский* (выд. нами. — А. Я.) талант».

После «Громокипящего кубка», в самом символическом названии которого Северянин объявил себе продолжателем творческой линии русской поэзии тютчевско-фетовского периода, поэт стал непререкаемым кумиром в среде, для которой, собственно, и пишутся стихи: читающей России. Особенно в женской ее части:

*Шуршат истомно муары влаги,
Вино сверкает, как стих поэм...
И закружились от чар малаги
Головки женщин и хризантем...*

(«Хабанера III», 1911)

«Детский талант» в определении Блока — это вовсе не снисходительное уничижение, но констатация того непреложного факта, что Северянин стремительно вошел в олимпийцы русской поэзии как «иронии дитя» (см. выше), став знаменитостью — «повсеградно озкранен» и «повсесердно утвержден», — еще не утратив распахнутую всему миру изначально творческую душу ребенка, еще не обременивши себя осторожной человеческой мудростью и знанием, многость которых несет многие печали... Отсюда и пресловутый гедонизм, в чем то зло, то по-отечески наставительно упрекали поэта его более умудренные, или в равные с ним годы жизни уже утратившие качество поэтической детскости, коллеги по литературному цеху. Да и не такое это уж и ругательное определение: гедонизм (от греч. *ἡδονή* — удовольствие) есть учение, полагающее содержанием и смыслом жизни чувственные радости. То есть это обычное состояние ребенка или уже повзрослевшего человека, сохранившего детскость (повторимся) души, детского восприятия мира. А настоящий поэт именно в таком качестве этот мир видит, воспринимает, главное — отображает в своих творениях. Другое наименование гедонизма — эпикурейство прямо указывает на то, что вся мировая литература зиждется на двух, вроде как противостоящих (это действие диалектического закона единства и борьбы противоположностей), началах всех искусств: воспевание человеческой радости от изумления бескрайностью мира и осознание трагичности личного бытия. Для европейской литературы здесь предшественники из античных времен: гедонистическая поэзия Греции и Рима, а в (диалектический) «противовес» ей — оракулы и хоры древнегреческой трагедии.

...Как говорится, ничто не ново под луной. Сама русская поэзия начиналась с отчетливо выраженной гедонистической линии: от Державина до Языкова; понятно, не миновала она и юного, даже молодого Александра Сергеевича.

Выше уже достаточно было сказано о литературном фоне творчества Северянина, в том числе и о восприимчивости Серебряным веком поэзии литературных традиций века Золотого, и все это было увязано с последствием уже прошедшего и с предчувствием наступающего нового пассионарных периодов в ареале русского этноса. Все вроде как укладывается в очерченные рамки феномена Северянина. Да еще «большим плюсом» здесь детскость взрослого поэта... Заметим, что обычно при литературоведческой оценке творчества как Северянина, так и многочисленных представителей поэтических «измов» начала XX века, часто склоняются <Ф.И.О. не называем, но их было и есть много> к утверждению, что все эти «измы», а Северянин, равно как Бальмонт, Маяковский, Кузмин, в особенности, суть «реабилитирующая реакция» на самодовлеющую реалистичность и даже рационалистичность русской литературы, поэзии в том числе, второй половины XIX века, то есть с доминантой различинно-демократической. Вроде как похоже на истину, но... как-то все притянута — к той же «рационалистичности».

Мы не выходим в настоящей «Колонке» за рамки заданной (самому себе) темы о литературном фоне. Тем более, что о стихах Северянина уже «плещется» целое море исследований. И главное: такого цельного в своем творческом самовыражении поэта подвергать скрупулезному литературоведческому разбору — с цитированием его блистательных поэм, с примериванием на них отработанных этим самым литературоведением клише-штампов — есть задача неблагодарная. Северянина надо просто

читать; у кого «руки не доходят» до его книг, тот может, перелистнув страницу этого номера журнала, прочитать *minimim minimorum* из его обширного, впечатляющего поэтического наследия.

И напоследок задайте себе вопрос: какой Северянин — эгофутурист времени первой половины своего творческого пути, или классический русский поэт 20—30-х годов в (невольной, чисто случайной) эмиграции, в наибольшей мере по духу, стилю, содержанию своих произведений соответствовал своей эпохе? — Подсказка очевидна: королем поэтов он по праву был в первый «июльский полдень»:

*Хохот, свежий точно море, хохот, жаркий точно кратер,
Лился лавой из коляски, остывая в выси сфер,
Шелестел молниеносно под колесами фарватер,
И пьянел вином восторга поощряемый шоффэр...*

(«Июльский полдень. Синематограф», 1910)

...И уж точно ясно: современной торгово-воровской, умоущербной эпохе «первого натиска» глобализма и тот, и другой Игорь Северянин глубоко чужд. И сам бы он на нее вполне нефигурально плюнул.

